

ИРТЫШ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

Экспедиция журналиста «ОП» Виктора Гоношилова
«По пути Бухгольца» близится к завершению

Где река прямее

Я свыкся с мыслью, что мой маршрут по Иртышу длиной не менее 750 километров. И радовался красивой солидной цифре. Вывел я ее так. От местечка Ямышева (Республика Казахстан), откуда в 1716 году спускался на дощаниках основатель Омска подполковник Бухголец, до границы между Россией и Казахстаном 475 километров. 17 июня в 17.45 я пересек незримую разделительную черту между нашими государствами. Следовательно, до Омска мне оставалось пройти на веслах каких-то 270-280 км - мелочь, а не расстояние. Расчет я производил, совмещая несколько карт Иртыша разных годов издания. Дело в том, что на каждый отрезок реки - свой подробный атлас. Правда, мужики из Железинского, приграничного с Омской областью района Казахстана говорили:

- Губу-то не раскатывай, тебе грести еще примерно столько же, сколько прошел: километров 400-500. Наша Железинка стоит посередине между Ямышевом и Омском.

Я отмахивался:

- У нас Иртыш прямее.

И был прав. К сожалению, даже больше прав, чем рассчитывал.

Мы с командиром группы пограничных катеров старшим мичманом Михаилом Мурашовым, склоняясь над картой, рассчитывали расстояние от границы до устья Оми, где должна была финишировать моя лодка «Омск-300». Выяснилось, что оставалось пройти всего 211 километров.

- Ну и в чем неприятность? - спросит читатель.

В ущемленной гордости. Не получается круглой цифры. Общая длина маршрута выходит 686 километров. Не хватает всего 14 километров до 700. Так нашлась причина для очередной депрессии, а ведь только-только от предыдущей отошел.

Два флага

Жесточайший приступ слабости меня свалил в Казахстане у деревни Урлютюб, где стоит речной пункт пограничного и таможенного пропуска. С минуты на минуту должны были подъехать пограничники и таможенники, а я валялся в спальнике, не в силах вылезти из палатки. Подняло меня чувство страха перед позором. Лодка грязная. Надо бы отмыть. Тело пошатывалось, но руки делали свое дело. Драили корпус судна, доставали из рюкзака вещи для осмотра. Боялся, что пограничники заметят мое состояние и не выпустят на родину. Заподозрят в зараженности какой-нибудь инфекционной болезнью. Того же свиного гриппа, на котором все как помешались. Был грех, ел свиное сало, ел. Еще граммов сто осталось.

Приехала пара веселых молодых казахов в форме. По казахской традиции приветственное рукопожатие двумя руками. Ответил тем же. Привык.

Внешне неформально, с шутками, однако проверку провели досконально. Обнаружив кусочек копченого сала, дружелюбно предупредили:

- В Россию вас с ним не пустят. Карантин.

- Оно до России не доживет. Уничтожу естественным образом, - заверил я стражей пограничного контроля.

- А со знаменами так обращаться нельзя, - сделал мне замечание один из них.

На носу моей лодки укреплены подставка с российским и казахстанским флагами. На время ночевки я снимаю ее с лодки и ставлю у палатки для обозначения лагеря. Как дополнительную защиту. На этот раз укрепленная в рыхлом песке подставка упала от порывов ветра. Казах аккуратно вернул стягам вертикальное положение.

Мне приятно в казахах уважительное отношение к символам государственной власти. Припоминается еще один случай. Я сидел в кабинете руководителя Павлодарского архивного управления. Пил чай, вел ничего не значащую светскую беседу с хозяином кабинета Халелом Акимхановым. Отходил душой после работы с документами. Передо мной на столе лежала только что изготовленная упомянутая выше подставка с флагами. Халел Хайрулаевич взял подставку со стягами и примостил вертикально между стопками папок.

- Не могу смотреть на лежащие флаги. Слово поверженные.

Казахстан - государство молодое, и его граждане полны энтузиазма в строительстве собственной державы. А Россия - страна с тысячелетней историей. Мы всякое видели, мы ко всему привыкли. Мы просто живем на своей территории. Я думаю, что страх перед этой простотой и свалил меня в последний день пребывания в Казахстане.

Игра случая превратила проект нашей газеты «По пути Бухгольца» в акт народной дипломатии. А на острие процесса оказался человек, совершенно не подготовленный для такой роли, - автор данных строк. Слишком тонкокожий.

Я боялся своей родины. Ее холода, ее привычки и равнодушия ко всему. В то же время боялся не за себя, а за нее. Примерно так же, как боятся дети за авторитет своих родителей.

В Казахстане мне было устроено несколько торжественных встреч, приглашали для выступления в школах. Моя лодка единственная, вдумайтесь в это слово, единственная из частных судов имела право на территории Павлодарской области идти по Иртышу.

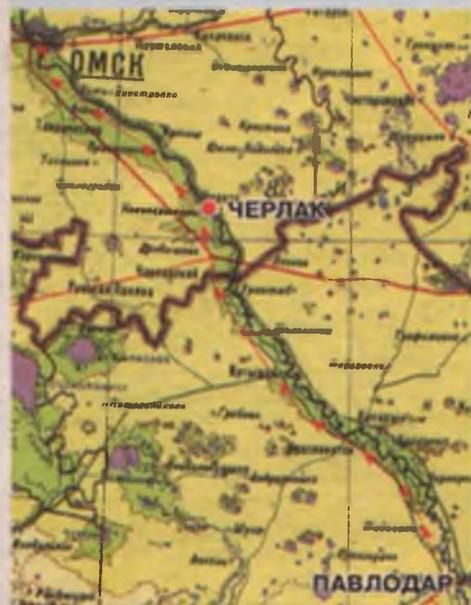
- Вы - наш гость, - говорили мне. - Только поэтому разрешаем следовать по реке в период нереста.

И если у меня, не дай бог, возникнут проблемы с российской пограничной или таможенной службой, с районными администрациями, то получите плевков в лицо. Не мне! Я-то стерпел бы.

А еще я устал от необходимости контролировать собственные эмоции, слова, поведение. Как солдат, отвоевавший четыре года без единой болячки, вернувшись домой, вдруг заболевает целым набором болезней, так и я в свой последний казахстанский день потерял силы полностью. Организм израсходовал запас энергии без остатка.

- Границу пересекаю сегодня, - предупредил по мобильнику редакцию, - пусть в Черлаке готовят «скорую помощь».

Маршрут экспедиции Бухгольца (по карте XXI века)

Черлак. Экспедиция Виктора Гоношилова близится к завершению.

Виктор Гоношилов наконец-то на российской земле.

Неудобно, если дипломат из народа, едва ступив на землю отцов, тут же отправится к праотцам.

Таможня дает добро

Я немного воспрянул духом, когда командир встретившего меня на Иртыше пограничного катера с улыбкой отдал честь. Все так же моросил мелкий поганый дождь, но указатель настроения медленно пополз вверх.

Прошел идентификацию. Мое измученное тяжелой жизнью изображение в натуре на фотографии в паспорте все же походило. Ушами, как сообщил один из пограничников. Но этого хватило для подтверждения моего гражданства. Потом был тщательный досмотр. Я привычно демонстрировал содержимое рюкзака. С опаской за целостность лодки наблюдал, как исследуют мое судно. И мне разрешили вернуться в Россию! Кусок сала я съел еще на казахстанской территории, а иных компрометирующих меня предметов на борту лодки не имелось.

Ночевать остался у моряков-пограничников в вагончике, который они называют кубриком. От «скорой» отказался. Здоровье было, как у быка. До Черлака оставалось 50 километров.

Они получились веселыми. Ураган с грозой днем (лодку выбросило на отмель) и ураган с грозой вечером. Ветер до 25 метров в секунду, как сообщили на следующий день в теленовостях. Деревья валил. Дерево же, к которому привязал свою палатку я, уцелело. Проснулся в луже холодной воды. Выглянул наружу - рядом луж не было. Невольно порадовался за себя: не каждый сумеет так точно поставить палатку.

В Черлаке досмотр провели таможенники, они ждали меня. Мы перезванивались почти ежедневно. Они тоже дали «добро» на возвращение домой.

Приехали из Омска сын с дочерью. Долг всматривались и отца во мне, к счастью, признали.

- Сильно уставший и страшно грязный, но не исхудавший, - сообщили они матери, оставшейся в Омске с внуками.

А вот встречи с черлакской молодежью у меня не получилось: география развела. В Черлаке две паромные переправы. Меня встречали на грузовой, а я остановился у пассажирской, где проводится таможенный досмотр речных судов.

Зато состоялся прием у главы районной администрации.

- Рано вы к нам приехали, - сообщил мне глава района Василий Яцковский. - Ближе бы к осени, мы бы вам с собой целую лодку арбузов нагрузили.

Так выяснилась интересная деталь. Черлакский район, почвы которого по плодородию занимают предпоследнее место в области, вдруг оказался пригож для выращивания арбузов. Песок и вода в изобилии. Местные фермеры, начав с мелких, сейчас выращивают крупные арбузы - величиной с глобус. В промышленных масштабах. За бахчевыми едут фуры даже с Севера.

На одной волне

Зачем, спрашивается, я так подробно описываю эти встречи? Читатель вправе требовать подробности встреч на казахстанской земле. Казахстан сейчас другая, соседняя страна, а о жизни соседей всегда интересно узнать что-нибудь новое. Должен заверить, что несколько материалов с привязкой к казахстанской действительности в нашей газете еще выйдет. Там есть о чем рассказать. И мне стыдно, что я еще не воспользовался этой возможностью. Но в походе, когда у тебя для написания статьи выпадает всего четыре-пять часов в неделю, нет возможности создавать вещи, в которых недопустима даже малейшая неточность. Я скорее соглашусь совсем их не писать, чем писать кое-как. Материя слишком серьезная.

О встречах же на российской земле я потому пишу так подробно, что не случилось того, чего я больше всего боялся. Равнодушного отношения родины. Не ко мне. Я-то по характеру больше похож на шедринского пескаря, который сидит в норке, где его никто не видит, - и ему хорошо. Мне приятно, что Россия хорошо встретила человека. Человека, скажем прямо, совсем невысокого ранга, но которого в Казахстане радушно встречали как раз как представителя России. И думаю, тот факт, что его встречали не политики, а селяне, для настоящей дружбы значит больше. Потому что при таких встречах чувства искренние.

Виктор Гоношилов

P.S. Редакция выражает благодарность редактору газеты «Черлакские вести» Николаю Шеглову, помощь которого сделала пребывание нашего журналиста в Черлакском районе плодотворным и беспроблемным.